русский пионер

18+

«Трамвай Желание»

№3 (115) июнь—август 2023

литературный иллюстрированный журнал

ISSN 2071-3037

Клятва главного редактора *стр. 6*

первая четверть

Урок правды. Герда в лабиринте. **Дарья Белоусова** про маршрут своих желаний *стр. 22*
Открытый урок. Боль и радость Бланш Дюбуа. **Светлана Немоляева** про свой «Трамвай “Желание”» и лучшего Джигу *стр. 26*
Урок уроков. Желание вернуть трамвай. **Иосиф Райхельгауз** про одесский маршрут по «фонтанам» *стр. 30*
Урок кино. Вагончик тронется, Харон останется. **Лидия Маслова** про парадоксальный символ свободы в кино *стр. 34*
Прогул уроков. Заветный кокос. **Андрей Макаревич** про трамвай без конечной остановки *стр. 38*

вторая четверть

Пионер-герой. Ижкарысь трамвай. Корреспондент РП открывает тайную дверцу *стр. 42*

третья четверть

Диктант. В тему номера. Тридевятый *стр. 54*
Дневник наблюдений. Крути педали. Шеф-редактор «РП» становится велорикшей *стр. 56*
Урок москвоведения. Железный поток. **Сергей Шерстенников** про путь трамвая от конки до метро *стр. 62*
Дневник наблюдений. Просто не со мной. **Иван Соколовский** про свои американские будни и трамваи Лос-Анджелеса, которых больше нет *стр. 78*
Сочинение. Боженька. Рассказ **Майка Гелприна** *стр. 86*

четвертая четверть

Фотоувеличитель. Заблудившийся трамвай. **Николай Гумилев** *стр. 96*

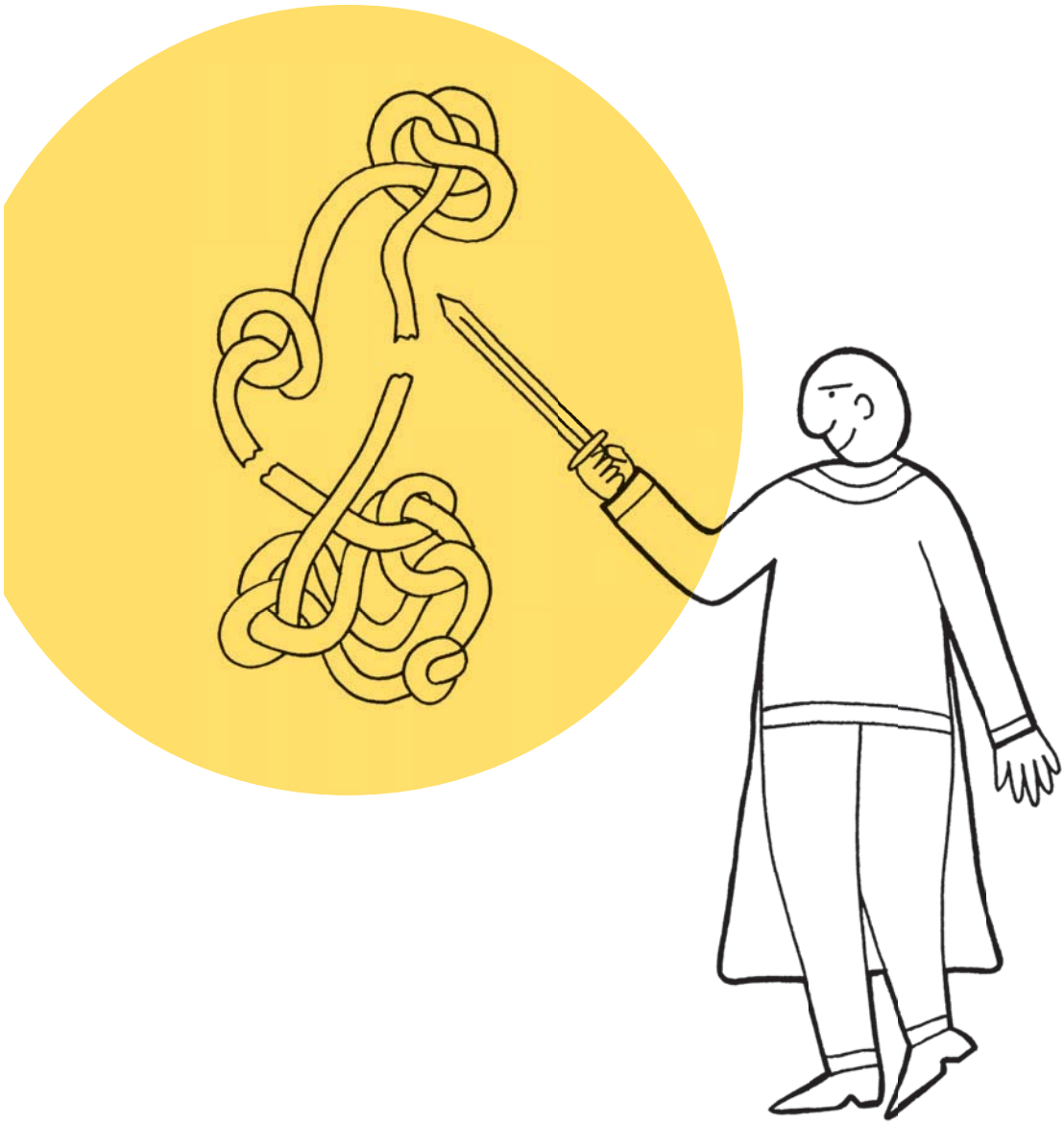
группа продленного дня

Сбор металлолома. Сырники индивидуальной мобильности. **Александр Федоров** о том, что от судьбы не уедешь *стр. 120*
Правофланговый. Saida. **Виктор Ерофеев** про желания в бразильском трамвае *стр. 124*

Правофланговая. Желание — кладбище.
Ольга Ускова про трамвай до Елисейских Полей *стр. 128*
Пионервожатый. Строго по рельсам.
Кирсан Илюмжинов про детскую мечту, которая осталась *стр. 130*
Звеньевой. Про Басюка и Гречко.
Александр Горбунов о сокращении желаний *стр. 132*
Пионервожатый. Темное желание.
Павел Астахов про пепел искушения *стр. 134*
Запевала. Картина одиннадцатая.
Дмитрий Быков сочинил другой финал пьесы «Трамвай “Желание”»: премьера на страницах «РП» *стр. 144*
Звеньевая. 6:30. **Надежда Супрун** про полупустой трамвай, залитый солнечными лучами *стр. 148*
Отличница. Трамвай до качелей. **Лена Фейгин** про отношения, которые не похожи на езду по рельсам *стр. 150*
Горнист. Гарик на рельсах. **Сергей Микулик** про бар в трамвайном депо *стр. 152*

Полевая кухня. Тетя Гуля из Дюбека.
Обозреватель «РП» про ключ от всего Дагестана *стр. 154*

Урок правды шеф-редактора. Подведение итогов *стр. 160*

Всегда готов!

рисунок: татьяна максимова

Первая четверть.

Урок правды. Герда в лабиринте. **Дарья Белоусова** про маршрут своих желаний. *Открытый урок.* Боль и радость Бланш Дюбуа. **Светлана Немоляева** про свой «Трамвай “Желание”» и лучшего Джигу. *Урок уроков.* Желание вернуть трамвай. **Иосиф Райхельгауз** про одесский маршрут по «фонтанам». *Урок кино.* Вагончик тронется, Харон останется. **Лидия Маслова** про парадоксальный символ свободы в кино. *Прогул уроков.* Заветный кокос. **Андрей Макаревич** про трамвай без конечной остановки.

надя александрова

Герда в лабиринте

текст: дарья белоусова рисунки: мария щербакова-королева

Актриса Дарья Белоусова нашла о чем вспомнить. Без преувеличения — о главном. Но это же не просто суметь пережить надо. Это надо суметь рассказать. Про то, что бывает с желанием. И вот она рассказала. Сумела. Как никто другой, может, не сумел бы.

Только я глаза закрою — предо мною ты встаешь!
Только я глаза открою — над ресницами плывешь!
Григор Орбелиани

В ПОСЛЕДНЕЕ время я часто думаю о том, что можно перечитать всех философов мира, получить несколько образований, пройти все коуч-сессии, да и вообще, стать «осознанным»: не быть абьюзивным, токсичным, а, напротив, быть наблюдателем, раскрыть все чакры — а самого главного так и не понять. Сколько мы встречаем людей, которые по современным понятиям очень успешные, или даже не очень, но тогда обязательно прокачанные, знающие как, почему и куда, но при этом, под грузом всех этих истерических знаний, не способные просто открыть сердце, просто заплакать, не стесняясь окружающих, засмеяться, когда этого хочется. Очень много погружения, которое на деле оказывается только фантиком, оберткой от невкусной конфеты. Бесконечная иллюзия собственного ума, собственной значимости не дает испытывать настоящие и самые сложные эмоции. А в сложные времена главной сложностью оказывается умение быть простым. Хочется селедки, вареного картофана, маминого чая с листом мяты и прекрасных лиц смотрящих на тебя друзей.

А вообще, сегодня я такая, какой пожелала быть вчера.

Что если с самого начала я бы понимала, что создаю себя будущую? Каждую минуту настоящего формирую маршрут трамвая «Желание», который ведет меня к себе завтра. Смогла бы я что-то поменять? Или менять — это бонус уже сформировавшейся зрелой личности?

— Твоя самая любимая сказка в детстве? — спрашивает меня моя лучшая подруга.

И я не думая отвечаю:

— «Снежная королева».

В сущности, очень важный и простой для каждого человека вопрос. Про эту самую сказку.

Я помню, как мечтала во всем быть похожей на Герду. Мне нравились эти препятствия, этот подвиг, это пронзающее меня в детстве ее горячее сердце. И этот Кай, который такой родной, как пазл заходящий в самую меня, но при этом вдруг такой недоступный, непробиваемый. И его нужно во что бы то ни стало пробить.

Вся моя дальнейшая жизнь стала очень похожей на эту сказку. Мне встречались люди, с которых я бесконечно снимала шелуху. Многие из них потом были благодарны за свое пробуждение и привязывались

ко мне навсегда. Будто я открывала им их собственный тайник, и с этого момента они меня, и только меня, ассоциировали с этим новым собой. И часто мне становилось это тяжело, потому что каждое такое «открытие» — это было не мое рациональное решение, а необходимость, природа моя совершала это сама, не спрашивая и не анализируя. Мне оставалось только повиноваться.

В школе в меня были влюблены самые клевые парни класса, но мне нужен был закрытый, никому не доступный рок-н-ролльщик-анархист, путь к которому был устлан тысячами препятствий. Он никого не любил, никому не доверял, всех девушек он исключительно презирал и пользовал — водил на «просеку» в лес и там предавался подростковым физическим наслаждениям. Но мне вынь да положь было необходимо, чтобы он меня полюбил. Потому что только в нем я видела интересующую меня сложность личности, противоречия, которые всегда интереснее, чем серый и такой обычный формат всех остальных. Я искала эти противоречия. Я стремилась запутаться в этом лабиринте, подобно популярной тогда игре, где железный крохотный шарик нужно было вывести в лузу сквозь пластиковые ограждения. Он хорошо разбирался в химии, а я была конченой троечницей по этому предмету, потому что всю жизнь увлекалась литературой. Но, чтобы доказать самой себе и ему, что я вообще-то крутая девчонка, я самостоятельно разобралась в этой химии и стала лучшей в классе и лучше него, конечно. Я воровала мамин шерстяной свитер, надевала его с одними колготками и шла на школьную дискотеку с вызывающе открытыми ногами на огромных платформах. Я умела быть веселой, когда того требовала ситуация, и грустной, когда это было уместно. Мне было мучительно необходимо распахнуть ему этот мир, заставить увидеть все грани измерений и таким образом подарить ему жизнь совершенно другого качества. Жизнь творца, жизнь наблюдателя, жизнь большого человека. И он влюбился. Влюбился так сильно, как я этого хотела. И так сильно, как это мог сделать человек его возраста и его способностей. На максималках, но все же недостаточно, потому что после, спустя много лет, он зажил вполне обычной, тривиальной жизнью и наверняка вспоминает меня как детское наивное приключение, но в глубине души понимает, что сильнее и ярче у него вряд ли будет.

Или… когда пришла пора мне лишаться девственности. Уже в институте. Я именно так характеризую этот период — «пришла пора».

Бесконечная иллюзия собственного ума, собственной значимости не дает испытывать настоящие и самые сложные эмоции.

Я проснулась и уверенно почувствовала, что это произойдет через три дня. Проблема была та же, что и в школьной ситуации. В меня были влюблены прекрасные, красивые, хорошие во всех смыслах парни. Я же все четыре года любила самого сложного и жесткого, надломленного, недоступного, талантливого, закрытого. Он меня не любил. Вернее, он не любил, конечно же, никого. Но ко мне все же испытывал нечто похожее на приязнь и выделял меня из всех. Иногда мы целовались за кулисами. И всегда наблюдали друг за другом в отрывках, с самого поступления. Мы вдвоем олицетворяли собой инь и ян курсового внимания. Наши поцелуи, длящиеся к тому моменту три года, уже давно готовы были дойти до дела, но я всегда останавливала. Выжидала момент, когда можно будет усилить градус происходящего, чтобы это было крупно, чтобы неизбежно. Я хотела лишаться девственности только с ним. Это было бы драматургически красиво во всех смыслах. Однако судьба распорядилась иначе. Мы снова стояли в кулисах, снова целовались, и вот уже все должно было произойти… но меня в который раз пронзает острие осознания:

— Я не могу сделать это с тобой сейчас. Ты любишь меня недостаточно сильно. В нашей истории должно быть фатально сильно. Либо так, либо тогда уж с другим и никак. В этом тоже будет драматургия. Отдать это первому встречному. Не тебе.

Он тогда посмотрел на меня странными, непонимающими глазами. Но моя уверенность была железобетонной. И я отстранила его. Оставался день до того момента, когда, я чувствовала, это должно было произойти. На носу был экзамен по зарлитре. Я была в ней гуру. Мои лекции весь институт перегонял друг у друга, а перед экзаменами просил меня сократить их грамотно, чтобы не пропадала суть. Я делала это буквально за пару часов, и весь курс закладывал священный сокращенный вариант себе в шпаргалки. Меня научила мама, а я, в свою очередь, научила всех однокурсников надевать пиджак и пришивать к нему внутрь по два кармана справа и слева. И в этих двух карманах аккурат помещалось тридцать билетов. Мне это было не нужно. Мне на экзаменах по зарлитре задавали вопросы не сюжетные и даже не смысловые, а что-то вроде: «Что было вышито на платке у Дездемоны?» «Земляника», — отвечала я, зевая, со скукой и с дотошностью кретина, потому что с детства читаю все книги архивнимательно — мне важна эта детализация для построения

внутреннего мира. Но для своих друзей я закладывала именитых чуваков и к себе в карманы тоже. Ох… скольких гениев видели мои кармашки — от Гомера до Гессе, от Апулея до любимого Сэлинджера.

Один из моих однокурсников, главный бонвиван училища и по совместительству друг моей зазнобы, попросил меня приехать к нему и погонять по темам. Приезжаю… а в голове стучит «сегодня… сегодня… сегодня». Я не испытывала к нему ровным счетом ничего, ну то есть не просто ничего, а совсем ничего, поэтому он очень даже подходил под нужный вариант.

По телевизору на кухне внезапно включается репортаж про «“Юнону” и “Авось”» в «Ленкоме», театре, в котором я выросла. Я думаю: это знак. Ну что ж, если будет еще два… значит, мне надо сделать это сегодня и с ним. В этот момент по телевизору крупно показывают лицо моего отца. Я смотрю в его глаза и соображаю: второй. А потом мой однокурсник выносит мне перекусить, и это оказывается самый мой любимый салат детства «Мимоза», да еще и правильно приготовленный — не с рисом, а с картохой. Я притягиваю за уши и говорю себе внутри: ну вот и третий. Знак. И все совершается.

Я выбрала «Снежную королеву», потому что уже была такой, какой стала завтра? Или это сама сказка, ворвавшись в мое детское тело, изменила вектор его развития.

Как во всех французских и английских классических романах, я подхожу к зеркалу, смотрю на себя с внутренним вопросом: что изменилось во мне за эти несколько часов? И не нахожу ровным счетом никаких изменений.

Кроме адски разодранной в кровищу спины, потому что елозили мы по ковру. Да еще так, что голова моя загонялась под разложенный наспех диван и я была словно в картонной коробке. Что было неплохо. Потому что абсурд должен быть исполнен в лучшей своей вариации.

На следующее утро мне нужно было идти на экзамен, и я не знала, что на себя надеть, чтобы ткань не прикасалась к телу и чтобы возникающая от соприкосновения с ранами боль не мешала мне заниматься таким любимым мной интеллектуальным трудом.

Желание и воля к своему пути, возможность совершать нелогичные для других, но самые логичные для меня поступки, любовь к хорошей драматургии во всех жизненных ситуациях — мой ли это выбор? Или все же изначальная данность? Что первично — моя врожденная природа? И именно она выбрала и полюбила сказку «Снежная королева», которая сформировала дальнейшие двадцать лет меня? Я выбрала «Снежную королеву», потому что уже была такой, какой стала завтра? Или это сама сказка, ворвавшись в мое детское тело, изменила вектор его развития?

Несколько моих приятелей, когда я задавала им этот вопрос, чтобы узнать, верна ли моя простая теория, работает ли она, говорит ли она о человеке если не все, то многое, совсем не могли ничего вспомнить, а некоторые вспоминали что-то вроде «Федорина горя» или «Сказки о глупом мышонке».

— А почему именно эта сказка? Где ты видишь в ней себя? Что тебя в ней пронзило?

— Да ничего. Просто первое, что вспомнилось.

Но парадокс состоит в том, что жизнь этих моих приятелей действительно похожа именно на те сказки, которые они назвали. Она лишена крутых поворотов, мощных чувств, сконцентрирована на обычных мещанских вещах и подчинена строгой структуре «школа—институт—хорошая работа». Без нюансов. Значит, их изначальный трамвай «Желание» в завтра был определен уже вчера. И он в полной мере состоялся.

Была бы я другой сегодня, если бы переспала с тем парнем, с которым хотела? Наверное, да. Я понимала бы и тогда и сейчас, что пошла на компромисс, а значит, волшебства все равно не случилось бы. И, раз преступив эту черту, я навсегда оставила бы себе возможность ее преступить. Случилась бы пустота. Нужно было до дна, до изнеможения, а если нет, то действительно лучше уж с тем, с кем вообще ничего. Настолько ничего, что это уже драматургия.

Селедка, вареный картофан, мамин чай с листком мяты — моя определенность, моя прозрачность, очень конкретные вещи, такие же простые и конкретные, как просты и конкретны самые высокие чувства и самые смелые поступки.

Я люблю тебя! И в этом всегда будет моя провокация на лучшую версию тебя. *рП*

владимир федоренко / риа новости

Боль и радость Бланш Дюбуа

текст: светлана немоляева

Мы говорим: «Трамвай “Желание”» — подразумеваем Театр имени Маяковского. Говорим: «Бланш, Ковальски» — подразумеваем Немоляеву, Джигарханяна. А теперь вот на страницах «РП» говорит та, которую подразумеваем. Народная артистка России Светлана Немоляева про Бланш — про главную роль и главную боль своей артистической жизни.

МНОГО раз мне рассказывали истории, как люди прорывались разнообразными способами на наш «Трамвай “Желание”», сидели на ступеньках в проходе, только чтобы посмотреть этот спектакль, ставший легендой. Это правда, как правда и то, что спектакль уникальный и удивительный. Он шел на сцене Театра имени Маяковского почти четверть века — больше двадцати четырех лет. Мы с Арменом сыграли семьсот с лишним спектаклей. Премьера была в семидесятом, а последний спектакль мы отыграли в девяносто четвертом — и ни одного раза не было так, чтобы не было аншлага. И где бы мы ни были — на гастролях или в Москве — везде был одно и то же: зал всегда был забит людьми, попасть было невозможно. В первые годы, когда спектакль только вышел, у нас не было никаких контрамарок даже для папы-мамы, даже и речи о контрамарках не могло быть, и мы, актеры и работники театра, записывались в длиннющую очередь в профсоюзе, который распоряжался билетами, чтобы купить там два билета на свой спектакль. Вот такой был ажиотаж. И все эти годы я каждый спектакль играла как в последний раз — так, что даже Саша (Александр Лазарев. — «РП»), мой муж, наконец однажды взмолился: «Света, может, закончишь с ролью Бланш? Я не хочу тебя потерять».

КТО НЕ ЖИЛ ТОГДА, ТОТ НЕ ПОЙМЕТ

Мы могли бы играть этот спектакль и дольше. Гончаров, поставивший «Трамвай», и в принципе легко расстававшийся со своими постановками, нам говорил: «Вы же можете играть, зачем уходить, не надо!» Да, это был спектакль нашей жизни, он невероятно много для нас значил, и именно поэтому мы решили — пусть уж лучше люди жалеют о том, что мы больше его не играем, чем будут говорить: ну

рудольф алфимов / риа новости

сколько можно, невозможно уже на них смотреть!

Мне кажется, что причина такого бешеного успеха «Трамвая “Желание”» связана с эпохой. Это было время, когда в нашей стране мало было чего-то не нашего, нездешнего, иностранного. Особенно не хватало заграничного кино, и за ним все очень гонялись.

Я помню, что самой большой ценностью, чтобы отблагодарить, например, врача, были вовсе не деньги, а билеты в Дом кино на иностранный фильм или на такой «дефицитный» спектакль, как «Трамвай “Желание”». Кто не жил тогда, этого не поймет. В те годы культура была для советских людей как воздух. Книги, выставки, кино, театр — на все был совершенно невероятный спрос. Когда, например, в конце шестьдесят шестого появился роман Булгакова «Мастер и Маргарита», вся Москва сошла с ума! Абсолютно! Он печатался частями в журнале «Москва», и я отлично помню, как я, будучи в интересном положении, потому что как раз ждала сына, покупала его на нашей «Юго-Западной» у киоскера, с которой мы дружили. Да, с киоскерами в СССР все хотели дружить. Потому что, если у тебя есть «свой» киоскер, она тебе скажет: «Свет, вышла новая книга, я тебе отложила, бери и быстро приходи за второй частью, интерес будет колоссальный, голову даю на отсечение». Вот так это и было.

И не только в Москве с Питером, а во всей стране не было человека, который бы не знал Булгакова, его «Мастера и Маргариту», «Белую гвардию» и «Театральный роман». Такие книги давали друг другу на ночь. В метро тогда все сидели носом вниз — в книжку. У нас на самом-то деле и юмор с сатирой тогда были на высочайшем уровне. Задорнов, Жванецкий, Иванов — какие же они были мощные! А барды? Например, Высоцкий один чего стоил! Великий человек эпохи. Это не рэп на две ноты с одной глупостью, не два притопа, три прихлопа.

И огромный интерес к «Трамваю “Желание”» был обусловлен той же интеллектуальной жаждой и духовными запросами советского зрителя, и сам спектакль по удивительному произведению Теннесси Уильямса — это высочайший режиссерский класс Гончарова. Знаете, я не люблю слов «гениальный», «великий», но Гончаров действительно был в одном ранге с Мейерхольдом, Станиславским, Таировым, Охлопковым. Гончаров поставил спектакль уникальный, потому что у него была сверхидея. Он всегда говорил: «Я ставлю один спектакль в своей жизни — по книгам разных авторов, но на одну тему. На тему борьбы духовного с бездуховным». Так он ставил спектакль «Человек из Ламанчи» о Дон Кихоте, так он ставил «Беседы с Сократом», так ставил «Леди Макбет Мценского уезда», так ставил «Бег» Булгакова, так он ставил всё. Борьба духовного с бездуховным. Это было главным смыслом его жизни. Он его выстрадал. Поэтому «Трамвай “Желание”» был настолько эмоционально поставлен, что затрагивал и захватывал сердце человека с первых же минут и реплик — и равнодушным не уходил никто.

ДРУГИЕ ПОЛЕТЫ

Этот спектакль — из тех, что оставляют печать на всю жизнь. Роль Бланш Дюбуа — моя радость и боль. И она совсем не та, кого играла Вивьен Ли. Она абсолютно другая. Абсолютно. И то, что сделал Гончаров, это была великая лепка меня как актрисы. Я вообще считаю, что на этой роли я и стала актрисой. Это было тяжело, это было беспощадно, это было сложно, но иначе и быть не могло. Мне было практически тридцать лет, но все еще играла девочек-студенток, целую кучу девочек из пьес советских драматургов, и любой из своих ролей я предавалась абсолютно и до конца. Может быть, кто-то другой не стал бы так тратиться на ерундовые страдания советской жизни, но я всегда была очень эмоциональна. Я, кажется, рыдала везде, и как-то однажды мне Гончаров даже сказал: «Как вы мне надоели со своими рыданиями. Можете успокоиться и хоть где-нибудь не плакать?» Но именно это мое качество ранимости и беззащитности открыло Гончарову во мне что-то такое, что Бланш в его спектакле стала моей первой по-настоящему женской ролью. Для меня это событие мирового масштаба на всю мою жизнь и до конца. Помню, на репетициях Гончаров кричал из зрительного зала, когда был недо-

волен — а недоволен он был мной практически всегда: «Больше у вас такой роли никогда в жизни не будет! Вы это понимаете?!»
Понимаю. Это правда.
Гончаров отгородил Бланш от всех внешних проявлений жизни, о которых писал Уильямс. Он откинул какие-то ее связи, романы, какой-то поверхностный слой существования. Гончаров был глубоко убежден, что он имеет на это право. Потому что ставил спектакль не о внешней стороне жизни, а о том, что Бланш, несмотря на все перипетии своей жизни, несмотря на то что жизнь ставила ей подножки, складывалась невпопад, унижала, пачкала грязью, все равно озарена божественной искрой веры, открытости сердца, сочувствия и понимания другого человека. Душа ее осталась ангельской, ей хотелось прекрасного, ей хотелось чистой любви — лучшего, чего может хотеть человек.
Вот в чем была ее трагедия.
Гончаров говорил, что Бланш как мотылек летит на горящую лампу, обжигается, падает, потом снова поднимается и снова летит, хоть и знает, что обожжется. И он всегда говорил, что в трамвае «Желание» едем мы все, но Бланш и Митч хотят соскочить с подножки этого трамвая. «Вот об этом я хочу ставить спектакль, — говорил он, — а не о том, каким было ее прошлое. Что она собой представляла на самом деле и чего хотела». В этом и была великая мысль Гончарова, она нашла отклик у зрителей, и поэтому люди рвались на спектакль, а вся женская часть зрительного зала неизменно рыдала по той же самой прекрасной мечте, к которой стремилась Бланш.
Когда Гончаров ставил «Трамвай “Желание”», то вынужден был терпеть нападки всевозможных ревнителей: мол, изменил финал, выкинул сцену с мальчиком, которого якобы соблазняет Бланш у Теннесси Уильямса. Гончаров в отношениях Бланш и Митча поставил знак вопроса. Когда Бланш хотят увезти в сумасшедший дом и я, то есть она плачет и вырывается, Митч не выдерживает этой жуткой сцены, подхватывает меня на руки и уносит. Куда — это был большой вопрос. То ли уносил меня к себе, то ли просто от этих жутких санитаров. В ответ на упреки Гончаров говорил: «Мне все это неважно и неинтересно. Мне интересно совершенно другое: Бланш борется со Стэнли за то, что существует другая жизнь, другие отношения, другие полеты в другой мир».

ИДЕАЛЬНЫЙ ДЖИГА

У нас с Арменом Джигарханяном было замечательное партнерство. Иначе как гоголевской цитатой и не скажешь — просто именины сердца. Джига совершенно идеальный был. С ним было дико интересно, легко и свободно. Я знаю только двоих таких — Джига и мой Саша Лазарев.
Помню, какой мороз по коже меня пробирал каждый раз, когда Стэнли Ковальски-Джигарханян давал мне обратный билет — в подарок к дню рождения. Бланш на такой жестокий подарок совсем не рассчитывала, и эту сцену можно было бы сыграть бытово и просто.
Но гений Гончаров довел эту сцену до сильнейшего трагизма. Стэнли выгонял мою Бланш пинком, как бродячую собаку, нанося страшную душевную рану. Но он и представить себе не может, что это может быть смертельно тяжело. И Джига играл так, что ты понимал, насколько страшно то, что за Стэнли идет целый класс таких людей, которые не способны понять свою безжалостность...

Гончаров, когда мы репетировали, кричал мне из зала: «Учтите, половина зрителей будет на его стороне! А не на вашей! Вам придется пересиливать и бороться с этим!» Это правда, так оно и было. А после премьеры он мне сказал: «Светлана, самые страшные моменты будут потом казаться тебе самыми прекрасными». И это тоже оказалось правдой. Я потом яснее поняла, что, несмотря на все ужасы и ошибки, несмотря на то что с несущего тебя трамвая желания соскочить почти невозможно, все равно в человеке живет мечта и стремление к чему-то невыразимо прекрасному.

РИО — НАШ!

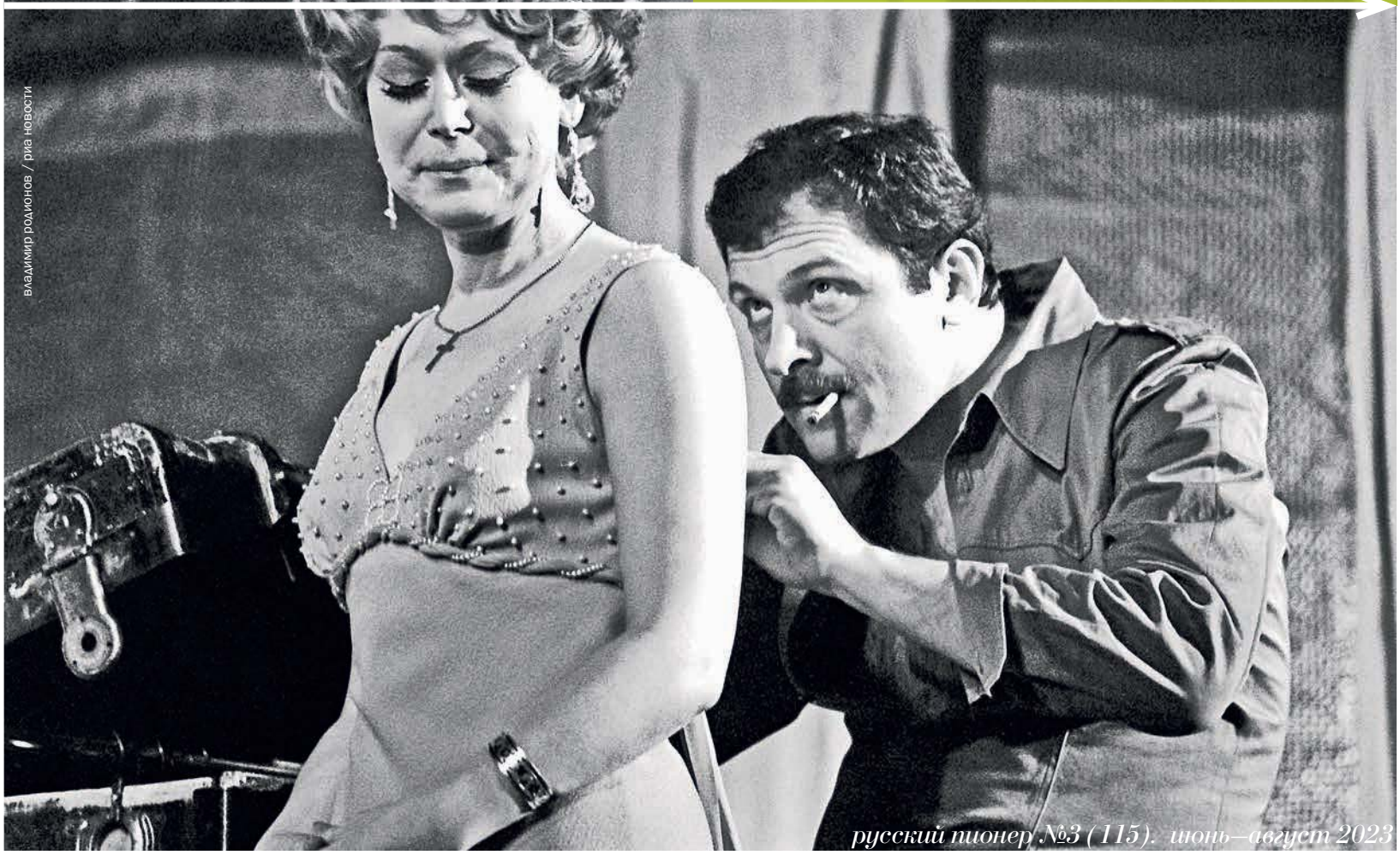
Мы с моим мужем Сашей очень много ездили на гастроли, по всей стране от края до края, за границей по всем континентам и везде встречались со своей публикой. И не было случая, чтобы хоть один человек из зрителей не сказал бы мне: «А вы знаете, а я видел вас в “Трамвае «Желание»”!» Хотя с премьеры прошли уже десятилетия. Из памяти уходили какие-то детали, испарялись какие-то фразы и ощущения, но удар в сердце, который нес с собой этот спектакль, оставался навсегда. Так вот однажды мы приехали с Сашей в Бразилию, куда нас пригласили, потому что Саша был там членом Олимпийского комитета. И вот гуляем мы по Рио-де-Жанейро, заходим в какой-то магазин купить еды. И я Саше говорю: «Наконец мы с тобой прилетели в такое место, где никто ничего не скажет нам про “Трамвай «Желание»”». Идем дальше вдоль полки с какими-то соками и соусами, совершенно не понимая, что там на упаковках написано, и вдруг слышим русскую речь. Мужчина и женщина, видимо муж и жена, говорят друг другу, что им нужен томатный соус, и тоже пытаются найти его по картинке на банке. Мы обернулись, поздоровались — о, вы русские и тоже в Рио-де-Жанейро. И в ту же секунду дама восклицает: «Боже мой, это же можно сойти с ума! Я же видела ваш “Трамвай «Желание»”!»
То есть нужно перелететь через два материка и океан, добраться до Рио, расслабиться, и нате вам! Я это не к тому, что хочу себя похвалить. Я хочу сказать о том, что спектакль был сделан Гончаровым так ошеломляюще, что люди, которые его видели, уже его не забывали никогда.

Однажды, лет десять тому назад, у меня брал интервью какой-то молодой человек. Он спрашивал меня про «Трамвай “Желание”». Дотошный был, мы с ним очень долго разговаривали, а потом он мне говорит: «Вы знаете, что о вашем спектакле так много говорят! А вы не можете как-нибудь где-нибудь сыграть с Джигарханяном какую-нибудь сцену, чтобы посмотреть хоть чуть-чуть, что же это такое? Чтобы можно было понять, что же это такое было, от чего все так сходят с ума?!» Я, помню, смеялась: «Да что вы, мы же с Джигой уже два старых дурака, что мы можем вам сыграть!» Но это было очень трогательно.
К сожалению, кроме маленького отрывка на «Ютубе», этот спектакль увидеть невозможно.
Гончаров запретил его снимать. Сказал, что телевидение никогда не передаст то волшебство, что есть в спектакле. Потому что ТВ не передаст дыхание зрительного зала. Нет, сказал Гончаров, никогда, пусть это останется легендой.

рудольф адфимов / риа новости

Несмотря на все ужасы и ошибки, несмотря на то что с несущего тебя трамвая желания соскочить почти невозможно, все равно в человеке живет мечта и стремление к чему-то невыразимо прекрасному.

владимир родионов / риа новости

фото из личного архива

Желание вернуть трамвай

текст: иосиф райхельгауз

Режиссер Иосиф Райхельгауз так пишет про одесские трамваи и память настолько не подводит его, что сперва даже удивительно: ну как же все это можно помнить? Ну это же не случайно. Потому что многое можно забыть, но, как выясняется, не это. И хотя бы понятно тогда, откуда столько любви.

КОГДА осознал тему «Трамвай Желание», решил, что родной «Русский пионер», скорее всего из-за меня как постоянного автора, меняет профиль и становится театральным либо киножурналом. Поскольку тема отсылает к классической пьесе Теннесси Уильямса, знаменитому фильму полувековой давности и огромному количеству советских спектаклей, главный из которых, конечно же, спектакль Андрея Александровича Гончарова в Театре имени Маяковского с Арменом Джигарханяном, Светланой Немоляевой и Светланой Мизери, а потом с замечательной Аллочкой Балтер. Это вроде бы моя территория… Но сразу решил в свою сторону — в сторону театра — не ходить. Из двух слов оставлю первое — «трамвай». «Желание» может быть отдельной темой одного из будущих номеров нашего «Пионера»... Видите — освоился так, что даю советы начальству. Надеюсь, Андрей Иванович простит!

Итак, трамвай. Я не входил в него те самые полвека, что прошли после тех самых театральных и кинопремьер. Трамвай… Один из главных героев моего одесского детства. Школа номер два стояла в самом конце Старопортофранковской улицы и торцом упиралась в улицу Пантелеймоновскую, которая тогда, в советские времена, называлась Чижикова, а потом снова Пантелеймоновская. Школа была прямо через дорогу, у двора с номером сто один, а наш был девяносто девятый. Поскольку тогда я не ходил, а бегал, дорога занимала три минуты. Школа двухэтажная. Я сидел на первом этаже за партой у окна на самом углу, в двух-трех метрах от трамвайной линии. Именно в этом месте трамвай, шедший со стороны Старопортофранковской (тогда Комсомольской), резко поворачивал налево, и визг и свист от соприкосновения колес с рельсами заставлял весь класс несколько раз за урок смотреть в мое окно, чтобы узнать номер. Там ходили пятый и двадцать восьмой. Пятый в Аркадию, а двадцать восьмой — на Ланжерон. Эти трамваи были каждому из моих одноклассников как близкие родственники, потому что именно они в субботу и воскресенье везли нас с родителями на пляж. На Ланжерон шесть остановок. В Аркадию дальше — одиннадцать. Были и другие трамваи и другие адреса. На третьем я ездил от своей Чижикова, даже точнее, от своего Привоза, поскольку остановка называлась именно так. Кондуктор, подъезжая, кричала: «Остановка «Привоз»!» Так вот, на третьем я ехал до Дерибасовской и там за несколько минут добегал до дворца графа Воронцова, который тогда был Дворцом пионеров. В нем замечательный детский хор, а в этом хоре я — солист. Некоторые партии до сих пор помню. Они прочно засели в голове, ушах и на языке. И еще были, а может и сейчас есть, трамваи, связанные с разными местами, разными событиями, разными людьми. Я и сегодня смог бы сесть в любой одесский трамвай, потом выходить на каждой остановке и рассказывать, в каком доме кто жил из близких и дальних, какие события случались,

соня трегубова

какая дорога открылась прямо на остановке. Главные трамваи шли вдоль моря. Собственно, вся Одесса — вдоль моря. Все улицы, все первые номера домов начинаются от моря. В Одессе очень сложно заблудиться, так же как и сложно сесть не на тот трамвай. Любой трамвай в Одессе, куда бы вы ни ехали, в конечном счете упирается в море и поворачивает вправо или влево.

Вот, например, двадцать девятый шел, опять же, к морю, в Черноморку. Собственно, так обозвали после революции давнее немецкое село Люстдорф (в переводе «веселая деревня»). И естественно, одесситы считали, что трамвай ходит по Люстдорфской дороге, а не по Черноморской! Было у этой дороги еще одно конкретное и мрачное имя — Дорога скорби. Когда двадцать девятый отъезжал буквально остановку от конечной — вокзала, справа возникал высокий, объемный холм Чумка. Это неприкосновенное до наших дней место, мрачная память об эпидемии чумы, поразившей город в тысяча восемьсот двенадцатом. В Петербурге праздновали тогда великую победу, а в Одессе свозили сюда, в пригород, мертвецов на телегах под черным флагом. И вот уже более двухсот лет стоит эта рукотворная гора и глядят на нее из трамвайных окон…

Ну а дальше, еще через две остановки, кладбище, самое большое в городе, самое старое. Старушки у главного входа продают ими же выращенные цветочки… А по другую сторону трамвайной линии, как раз напротив кладбища, — тюрьма с высоким забором по периметру и колючей проволокой над ним. Что и говорить, Дорога скорби!

Мой любимый маршрут — доехать на пятом или двадцать восьмом до Куликова Поля, которое сегодня, к несчастью, ассоциируется с событиями второго мая в Доме профсоюзов. А тогда в этом доме был Одесский обком партии, на этой площади шли демонстрации и парады, но главное — здесь начинался отсчет «фонтанов». Те, кто хоть немного знает историю Одессы, понимают, что я говорю о шестнадцати каменных павильонах, в которых, ожидая первых одесских трамваев, тогда еще конок, прятались от ветра и дождя пассажиры, и в этих же павильонах меняли лошадей и кормили их припасенным тут же сеном. Я слышал разные версии происхождения названия «фонтан» — Малый, Средний, Большой, но до сегодняшнего дня номера станций остаются теми же, как остаются неизменными остановки и, думаю, пассажиры. Поскольку мы двинулись от Куликова Поля по «фонтанам», а восемнадцатый доходил до последней, шестнадцатой, станции, можно поехать дальше. А дальше — дача Ковалевского. Практически это уже не город, это дорога над крутым морским обрывом. И трамвай — да, тот самый, многократно описанный и пересказанный, многократно осмеянный и осмеявший, тот самый маленький трамвайчик, который движется по одной колее с разных сторон дачи Ковалевского, и только посередине, когда кажется, что сейчас эти трамвайчики, не уступая путь, врежутся друг в друга, рельсы раздваиваются и дают возможность разъехаться. На конечной водитель, не выходя на улицу, проходит сквозь вагон и усаживается в точно такую же кабинку с другой стороны. Если ехать из города в Рыбачью Балку, а это и есть конечная, справа и слева открываются сельские дворики, где гуляют курицы, петухи, гуси, а иногда и коза с поросенком. Дачу Ковалевского много раз описывали Паустовский, Катаев и многие менее «звездные» одесситы, и у кого-то из них я читал, что контрабандисты Багрицкого — Янаки, Ставраки и Папа Сатырос — привозили свою контрабанду именно сюда, в заливчик Рыбачьей Балки.

Вернемся в обычный одесский трамвай. Хотя человеку, попавшему туда впервые, или тому, кто не жил в Одессе, а приехал в гости, трамвай этот покажется совсем необычным. Одесский трамвай, как одесский двор, населен персонажами. И конечно, «дирижирует» всеми кондуктор, реплики которой звучат как репризы из Бабеля или Жванецкого: «Не чихайте на весь вагон, чтобы вы мне были здоровы», «И таки кто у меня еще без билета?», «Чтобы ты так доехал, как ты заплатил!».

И если в каждом дворе при общей декорации балконы, как в шекспировском «Глобусе», и, в общем-то, похожие действующие лица играют свои многоактные спектакли или, по сегодняшней данности, многосерийные фильмы много лет, то в трамвае персонажи случайные, пьесы короткие, максимум одноактные, а сюжеты чаще всего импровизируются. Потом лучшие из них передаются из уст в уста, долетают из Одессы через Киев, Харьков и Воронеж до Москвы и Санкт-Петербурга и становятся анекдотами и байками. Вот, например, дама входит в трамвай в узком облегающем платье, которое не дает ей забросить ногу на следующую ступеньку, закидывает руку за спину и чуть ослабляет молнию. Пробует еще раз — не получается. Она расстегивает молнию больше, пытается взобраться на ступеньку. В это время сильные мужские руки обнимают ее ниже талии и вносят в вагон. Возмущенная дама поворачивается к мужчине и почти кричит: «Хам! Как вы смеете хватать меня за …?!» Он отвечает: «Когда вы только что два раза расстегнули мне ширинку, я решил, что мы уже друзья».

И еще шутка из одесского трамвая. На остановке у Нового рынка через переднюю площадку втискивается немолодой мужчина и, держа над головой лукошко, обращается к пассажирам: «Осторожно, у меня яйца!» На что тут же получает комментарий соседки: «Не у вас одного, и никто

не осторожничает!» Мужчина, еще раз указывая на лукошко: «У меня куриные». Тогда его собеседница кричит на весь вагон: «Пропустите инвалида!»

А вот, очевидно, кто-то из гостей Одессы вышел из трамвая, который уже отъехал, и обращается к стоящим на остановке: «Скажите, это четырнадцатая станция?» Ему отвечают: «Нет, девятая». — «А мне сказали, что выходить здесь». — «Тот, кто вам сказал, стоял или сидел?» — «Он стоял, сидел — я». — «Так теперь он сидит, а вы стоите и ждете следующего трамвая».

Диалог на остановке. «Когда она уже наконец приедет?» — обращается женщина к стоящему рядом молодому человеку. «Кто она?» — «Трамвай», — отвечает женщина. «Трамвай мужского рода». — «Не знаю, я ему под колеса не заглядывала».

В переднюю дверь входит мужчина и сразу плюхается на сиденье. Кондуктор кричит: «Куда вы уселись?! Это места для пассажиров с маленькими». — «Что, мне из-за двух остановок обрезание делать?»

Когда я достиг зрелого возраста, где-то лет в десять-одиннадцать, и стал осознавать себя и соотноситься с пространством и временем, главное, что меня сильно заботило, — мир, который нельзя ни узнать, ни увидеть, ни долететь, ни доехать… Я стал пробовать. Через несколько остановок от нашего дома все того же пятого трамвая, но не в сторону Аркадии, а в обратную, начиналось Московское шоссе. И, когда я спрашивал у папы, почему Московское, папа отвечал, что, если по этому шоссе ехать, никуда не сворачивая, попадешь в Москву. И я попробовал. Когда родители купили мне не в магазине, а на толкучке и поэтому неновый и недорогой велосипед — сразу же решил ехать в Москву. Поскольку до Московского шоссе можно было добраться только на пятом трамвае, я затащил свой «Орленок» на трамвайную площадку, доехал до остановки «Автовокзал» и отправился в Москву. Ехал долго. Захотелось есть. Потом стало темнеть. Потом я понял, что до Москвы не доеду, и вообще как-то испугался. Развернулся. И уже ночью каким-то чудесным образом оказался на автовокзале, увидел все тот же пятый и втащил в него свой велосипед. Но трамвай почему-то свернул с известного мне маршрута и приехал в депо, которое, к счастью, оказалось с обратной стороны Привоза, а значит, недалеко от моего дома на улице Чижикова, где уже ждали сильно взволнованные родители. Куда ведет Московское шоссе, я знал, в школе рассказывали и показывали Красную площадь, Мавзолей, ВДНХ. А куда ведет дорога вдоль моря, от Куликова Поля, по «фонтанам», через дачу Ковалевского до Рыбачьей Балки? А дальше? А дальше я слышал, что где-то близко Румыния, потом Болгария, потом Турция, а потом Черное море переходит в какое-то другое, кажется Средиземное, и там уже Италия, Греция… Я все это знал, но представить себе, как представлял Москву, не мог. Вглядывался в корабли на рейде прямо у пирсов и причалов, где можно было их потрогать, и даже читал латинскими буквами Marseille, Athens, Istanbul, но поверить в реальность этих городов, в реальность людей, которые в каких-то других одеждах ходят по какой-то другой земле, могут есть помидоры и клубнику в феврале, а апельсины срывать с дерева, поверить не мог. И вот когда я стал себя осознавать и соотносить с местом, пространством и временем, отправился в свой самый дальний, может быть кругосветный, путь. Сначала до Куликова Поля на двадцать восьмом — здесь все быстро и ясно. Потом на восемнадцатом по «фонтанам» на дачу Ковалевского. Дальше на девятнадцатом до Рыбачьей Балки. А потом, поскольку это был летний, жаркий, солнечный день, двинулся вперед. Перешел через какой-то полуобвалившийся мост между морем и лиманом, под которым мои сверстники рвали полные ведра мидий. Удивительно, что сейчас в этом месте, хотя мост уже новый, бетонный, стильный и широкий, практически в любое время суток можно купить у местных за символическую плату все те же крупные, свежие мидии. Кучками, килограммами или ведрами. Но вот тогда, впервые перейдя этот мостик, я увидел перед собой совсем незнакомые дома, морские краны и корабли, совсем незнакомых людей, и показалось вдруг, что я за границей! Я и был за границей. За границей привычных улиц, трамваев, людей. И какая-то чертова сила, какая-то необъяснимая страсть повела меня (как потом вела всю жизнь) в эти новые дороги, перекрестки, берега. Оказалось, это пригород — спутник Одессы Ильичевск. Теперь это многотысячный город Черноморск, прямиком выплывший из «Двенадцати стульев»… И так же, как при попытке уехать в Москву, я устал, проголодался и стал обдумывать, как вернуться домой. Про такси тогда еще не понимал, а троллейбусы и автобусы оказались с незнакомыми номерами. Вся надежда на трамвай, который я, к счастью, услышал.

Вот именно услышал, потому что вокруг никаких трамваев видно не было. Звук нарастал, и действительно — из-за деревьев, кустов, грузовиков показался трамвай, за которым я угнался и вскочил на заднюю площадку. И тут же был остановлен кондуктором — очень толстой тетей с черными, тогда еще не понимал, что крашеными, волосами и ярко-красными губами, которые произнесли:

— Мальчик, билетик!

Во-первых, у меня не было денег. А во-вторых, даже если бы они у меня были, я не мог себе позволить потратить три копейки на билетик. За три копейки можно было выпить три стакана газировки, правда без сиропа, или выстрелить в тире в парке Ильича, а на сдачу все равно выпить стакан газировки. Тем не менее на ближайшей остановке кондуктор меня выгнала. Темнело. Я стоял, прислонившись к фонарному столбу. Стоял долго, до следующего. И вроде через окно увидел, что на месте кондуктора сидела худенькая девочка, почти школьница. Я не стал заходить в трамвай, а дождался, пока он тронется, вскочил на задний буфер и поехал. Трамвай затормозил на светофоре, а возле меня затормозил милиционер на мотоцикле с коляской. Пытался убежать — не получилось. Он посадил меня в коляску и повез в отделение. Так в первый раз в жизни я оказался в милиции. Очень испугался, прямо очень. Какой-то дежурный спрашивал, в какой школе учусь, кто родители и где они. Потом милиционеры писали какие-то протоколы, куда-то звонили. Я сидел в пустой комнате и уже смирился с тем, что меня сдадут в детский дом. Не знал, что это такое, но понимал, что что-то ужасное и, самое главное, без родителей. Прошло некоторое время, и в комнату вместе с милиционером вошел папа. Он подписал какие-то бумаги, и мы вышли из отделения. Подошли к краю тротуара, папа поднял руку — остановилось такси. Доехали до дачи Ковалевского, но девятнадцатый трамвайчик стоял темный, без водителя и кондуктора. Поехали дальше до шестнадцатой Фонтана, на восемнадцатом до Куликова Поля, а там на пятом домой. Мама жарила картошку и плакала. Папа меня не ругал. Он сел к столу, открыл баночку самых любимых консервов, бычков в томате, налил себе в рюмку чего-то крепкого, поцеловал меня в голову, выпил. Дальше не помню — я уснул.